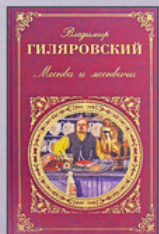

Владимир Гиляровский

Докучаев

Часть сборника
Москва и москвичи (сборник)

Владимир Алексеевич Гиляровский
Докучаев
Серия «Люди театра»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172963
Москва и москвичи: Эксмо; М.; 2008
ISBN 978-5-699-11515-0

Аннотация

«В тамбовском театре, в большом каменном здании, в нижнем этаже, была огромная кладовая с двумя широкими низкими окнами над самой землей: одно на юг, другое на запад. Эта кладовая называлась «старая бутафорская» и годами не отпиралась...»

Владимир Гиляровский

Докучаев

В тамбовском театре, в большом каменном здании, в нижнем этаже, была огромная кладовая с двумя широкими низкими окнами над самой землей: одно на юг, другое на запад. Эта кладовая называлась «старая бутафорская» и годами не отпиралась.

В старые времена, когда еще Григорьев ездил с своей труппой в летние месяцы на ярмарки, там хранилась бутафория и всякая рухлядь, которая путешествовала с актерами. Как-то Великим постом Григорий Иванович позвал машиниста Семилетова:

– Вот ключ, отопри кладовку, но сперва протри снаружи левое окно. Там, под ним, в театральном уголке стоит белый китайский сундук... Помнишь? Мы его с собой возьмем в отъезд.

– Знаю, под колесом!

– А вы, – обратился он ко мне и Васе, – помогите ему вытащить сундук. Только не вздумайте огонь зажигать – там все сразу вспыхнет.

Крякнул ключ, завизжала окованная железом дверь, и мы очутились в потемках – только можно было разглядеть два окна: одно полутемное, заросшее паутиной, другое посветлее. И вся эта масса хлама была сплошь покрыта пылью, как

одеялом, только слева непонятные контуры какие-то торчали. Около двери, налево, широкая полка, на ней сквозь пыль можно рассмотреть шлемы, короны, латы, конечно бумажные. Над ними висели такие же мечи, сабли, шестоперы.

Это и было начало театрального уголка... В другой половине, где хранились еще от постройки театра строительные материалы – листовое железо и деревянные рамы павильонов, – ничто не остановило внимания под сплошной пеленой пыли.

Вася тихо, стараясь не пылить, пробирался к светлому окну полуошупью.

Вдруг луч солнца порвался в окно, и поднятая Васей пыль заплясала в широкой золотой полосе, осветившей серые контуры и чуть блеснувшей на кубках и доспехах.

Вася зачихал, выругался... Его звали «чистоплюй»: он по десять раз в день мыл руки, а когда пил водку, то последнюю каплю из рюмки обязательно выливал на ладонь и вытирал чистым платком. В кармане у него всегда были кусочки белой бумаги. Он никогда не возьмется за скобку двери иначе, как не обернув ее бумажкой. А тут такая пыль!

Вася так чихнул, что над головой его поднялась облаком пыль и густыми клубами, как бы из трубы, поползла по лучу. А Вася все чихал и ругался:

– Мордой в сатану угодил!

Солнце осветило над ним золотой трон и сидящую фигуру в блестящей короне, над которой торчали золотые рога.

Вася продвинулся дальше – и снова клуб пыли от крутнувшегося огромнейшего широкого колеса, на котором поднялась и вновь опустилась в полумраке человеческая фигура: солнце до нее не дошло. Зато оно осветило огромного, красного сквозь пыль идола с лучами вокруг головы.

– Вот он и сундук, – слышу из тучи пыли.

– Помочь? – спрашиваю.

– Да он легкий, сейчас выну!

Дернул он из-под колеса, колесо закрутилось, и я увидел привязанную к нему промелькнувшую фигуру человека. Выпрастывая сундук, Вася толкнул идола, и тот во весь свой рост, вдвое выше человеческого, грохнулся. Загрохотало, затрещало ломавшееся дерево, зазвенело где-то внизу под ним разбитое стекло. Солнце скрылось, полоса живого золота исчезла, и в полумраке из тучи пыли выполз Вася, таща за собой сундук, сам мохнатый и серый, как сатана, в которого он ткнулся мордой.

Задышавшись, ругаясь и продолжая неистово чихать, он выбросил сундук в коридор и запер дверь.

Пока Вася отряхивался, я смахнул пыль с сундука. Он был белый, кожаный, с китайской надписью. Я и Вася, взявшись за медные ручки сундука, совершенно легкого, потащили его по лестнице, причем Вася обернул его ручку бумажкой и держал руку на отлете, чтобы костюмом не коснуться ноши. За стеной, отделявшей от кладовки наши актерские номера, в испуге неистово лаяла Леберка, потревоженная неслы-

ханным никогда грохотом. Я представил себе, как она лает, поджав свой «прут», как называют охотники хвост у понтера.

* * *

За вечерним чаем, как всегда, присутствовали друзья Григорьева: суфлер Ф. Ф. Качевский, А. Д. Казаков и В. Т. Островский.

– Григорий Иванович, что такое страшное колесище там? А в нем будто человек привязан.

– Это вот он привязан. – И Григорий Иванович указывал пальцем на Казакова.

– Уж и я? Просто мое чучело, – ответил Казаков точь-в-точь тем же тоном, как он, играя Аркашку, отвечал Несчастливцеву на слова его: «Тебя четыре версты нагайками в Курске гнали». – «Уж и четыре?»

Точь-в-точь тот же самый тон и то же выражение лица.

– Ты расскажи лучше, как тебя колесовали, – не отставал Григорьев.

– Уж и колесовали? Никто меня не колесовал. – И, игнорируя Григорьева, Казаков обратился ко мне, как к человеку новому, и продолжал рассказывать давно известное другим собеседникам: – Играл я дон Педро; тогда еще я крепостным был. На сцене суд инквизиции. Присудили дон Педро колесовать. А вот это самое колесо в глубине сцены стоит, а кругом сбиры, полиция в черных кафтанах, на голове черные

колпаки, лица в черных масках. Среди них огромный палач весь в красном. И вот прямо от стола судей – они монахи и тоже в черных масках – повел меня палач к колесу. Сбиры нас окружили, незаметно от публики меня опустили в люк, а вместо меня приготовили чучело, одетое так же, как и я. Театр был летний, открытый; партер и ложи полны съехавшимися со всей губернии помещиками, кругом театра народищу видимо-невидимо, свои крепостные и соседи мужики. Мать мою и сестер – ведь я первейший придворный актер у нас считался – в партер усадили в углу, на скамейке вместе с семьями камердинера и дворецкого. Палач привязал дон Педро и крутнул колесо. «Санька-а-а-а!» – раздался вопль мамы, а за ней вой в народе. В партере и ложах с барынями истерики. В этот момент я уже разгримировался и стал разуваться, как ко мне в уборную вбежал сам Мосолов, схватил меня и в костюме, но без парика, одна нога в сапоге со шпорой, а другая босая, на сцену вытащил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.